

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2024.4.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.8)

EDN [MRLOAX](https://edn.nplg.ru/edn/MRLOAX)

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Потапова Ю. В.

*Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск,
Россия*

E-mail: kardova.jv@gmail.com

Маленова А. Ю.

*Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск,
Россия*

E-mail: malyonova@mail.ru

Маленов А. А.

*Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск,
Россия*

E-mail: malyonov@mail.ru

Потапов А. К.

*Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск,
Россия*

E-mail: poalexk2187@yandex.ru

Для цитирования: *Потапова, Ю. В. Причины и факторы миграционного поведения молодежи Омской области / Ю. В. Потапова, А. Ю. Маленова, А. А. Маленов, А. К. Потапов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 4, № 1. С. 116–131. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.8). EDN [MRLOAX](https://edn.nplg.ru/edn/MRLOAX).*

Аннотация. *Ставится проблема предпосылок миграционной активности молодежи Омска. Обсуждаются возможные причины миграционных рисков, факторы их обуславливающие – внешние, экономические и внутренние, психологические – с целью выявления возможных способов управления ими. Задачи исследования: определить эмоциональную оценку города и связь миграционных установок молодежи с привязанностью и идентификацией с ним; выявить основные причины миграции из Омска, установить различия в карьерных ориентациях студентов с разным уровнем миграционных установок; определить необходимые условия жизни города для кардинального изменения миграционной ситуации в нем. Благодаря качественным (интервью) и количественным (тестирование и анкетирование) методам на выборке из 416 человек с разными социально-демографическими характеристиками проанализированы причины миграционного поведения и проведен анализ «выталкивающих» и «удерживающих» факторов. Установлено, что при эмоциональной оценке города у молодежи доминирует позитивная коннотация, однако молодежь чаще помещает Омск*

на временной шкале ближе к концепту «прошлое», а не «будущее». Таким образом, причинами реального миграционного поведения являются представление об отсутствии перспектив, связанных с развитием в городе, и сопутствующая неудовлетворенность экономическими, образовательными и карьерными условиями, сложившимися в нем. Факторами, снижающими уровень выраженности миграционных установок, оказываются высокая идентификация с городом, чувство принадлежности к нему, планирование будущего, связанного с городом, и карьерная ориентация на стабильность места жительства. Факторами, усиливающими стремление мигрировать, становятся карьерная ориентация на автономию в работе, слаборазвитая городская идентичность.

Ключевые слова: миграция, миграционные установки, удерживающие и выталкивающие факторы, городская идентичность, молодежь, Омский регион

Введение

В последние 10 лет демографическая ситуация в Омской области характеризуется преимущественной отрицательной динамикой: лишь в 2014 г. наблюдался небольшой миграционный прирост (+702 человека), тогда как в остальные годы – убыль, резко возрастающая в 2017 г. В 2022 г. она составила – 9 764 человека¹. Омская область стремительно теряет свои человеческие ресурсы, при этом уезжают зачастую молодые, трудоспособные, талантливые люди, которые принимают решение реализовать свой потенциал в других городах, и не только в мегаполисах – Москва (58,8%), Санкт-Петербург (55,4%), но и в сопоставимых по количественному составу населения (Екатеринбург, 72,4%) и территориальному расположению (Новосибирск, 68,8%; Тюмень, 66,7%) [1]. При этом чаще всего стремятся к миграции представители науки, малого и среднего бизнеса, сферы финансов, здравоохранения, транспорта и торговли, тогда как полицейские, представители органов государственного управления и энергетики чувствуют себя комфортно и предпочитают остаться в Сибирском регионе [1]. Во многом это обусловлено имиджем Омской области, противоречивой миграционной привлекательностью, позволяя ее относить к промышленным центрам России, однако с недостаточными для жизни социально-экономическими показателями [2].

Большинство теорий, относящихся к объяснению миграционного поведения, вышло из экономической сферы: миграция тесно связывается с рыночным поведением и обусловлено экономической целесообразностью [3], направление и интенсивность ее потоков вызваны неравномерностью доходов [4], перераспределением производительных и интеллектуальных сил [5] и избеганием рисков, связанных с трудоустройством [6], формируемым на разных территориях спросом на категории работников с разной квалификацией [7]. В теории «притяжения – выталкивания» факторы, провоцирующие миграционную мобильность, делятся на выталкивающие (что не устраивает в территории актуального проживания), притягивающие (что привлекает на желаемой территории), препятствующие (что может помешать миграции) и личностные [8]. Пожалуй, это одна из первых теорий, в которой речь начинает вестись не только об экономических, но и психологических причинах миграции – стереотипах, установках, возникающих относительно проживания на той или иной территории. Таким образом, этап реального перемещения предваряется подготовительной фазой, на которой вырабатывается миграционная установка – в разной степени сформированное представление о том, где человек хотел бы проживать [9], а также готовность покинуть свою территорию проживания ради другой [10].

Поскольку, согласно данным российских и зарубежных авторов, не все установки переходят в статус активных действий [11; 12; 13], важно проводить мониторинг причин миграционной активности и среди тех, кто уже уехал, и тех, кто задумывает-

¹ Население // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области : [сайт]. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 28.10.2023).

ся об этом, чтобы понять тип и силу «выталкивающих» факторов и наличие «сдерживающих» для профилактики реального оттока населения.

В последнее время подобные исследования проводятся для разных территорий нашей страны, и в них можно отследить определенную территориальную специфику. Например, в Свердловской области респонденты чаще говорят о внутренней миграции (в другие города России) [14], тогда как в Белгородской и Смоленской областях речь идет в основном о внешней миграции (в страны Европы) [15; 16]. Факторами притягивания – выталкивания в Белгородской области служат повышение качества жизни, желание найти хорошую работу и построить карьеру, получение больших возможностей [15], в Свердловской – образовательный фактор (переезд для обучения в вузах), экономический (разный уровень оплаты труда за одну и ту же работу, возможность найти работу) и социальный (наличие хорошо развитой инфраструктуры в небольшом числе крупных российских городов) [14], а в Смоленской – наличие определенных ценностных ориентиров как внутренних (терпимость, понимание, забота, справедливость), так и внешних (богатство и власть) [16]. Также в предмет исследования попадают и особенности региональной идентичности, которая в Сибири значительно отличается по социальным, этническим и культурным характеристикам от европейской части России [17].

В Омской области 91% миграционного потока обусловлен перемещениями внутри страны, поэтому мы концентрируемся на вопросах внутренней миграции. Что касается причин миграции, то они чаще связываются с образовательными и экономическими предпосылками [1], подтверждая роль социально-экономических показателей в миграционной привлекательности Сибирского региона [2] и общие миграционные тенденции в молодежной среде [18]. Вместе с тем поисковых срезов, направленных на расширение этого списка социально-психологическими параметрами, крайне мало при их ресурсных возможностях для обнаружения, прежде всего, сдерживающих миграцию факторов.

Методы исследования

Цель настоящего исследования – выявить, каким образом принимается решение о миграции, каково отношение к родному городу у тех молодых людей, кто осуществил переезд, а также у тех, кто обучается в г. Омске и потенциально находится в группе миграционного риска. В данной работе мы обобщаем результаты срезов, проводимых на протяжении 2 лет, объединяя их благодаря смешению методов – качественного (интервью) и количественного (тестирование и анкетирование) для получения комплексной картины изучаемого явления. Оба среза осуществлялись среди участников, высказавших добровольное согласие ответить на вопросы. В ходе первого – качественного этапа исследования, были опрошены 26 человек, из них 50% девушек, 50% юношей в возрасте от 18 до 34 лет (средний возраст респондентов – 28,8 лет). Города, в которые мигрировали респонденты: Москва – 7 человек (26,9%), Санкт-Петербург – 10 человек (38,4%), Екатеринбург – 2 человека (7,6%), Тюмень – 2 человека (7,6%), и по одному человеку (3,8%) переехали в Новосибирск и Калининград. Кроме того, были люди, мигрировавшие в другие страны: США, г. Остин (10%); Чехия, г. Прага (5%). Профессиональная представленность опрошенных следующая: специалист по внутрикорпоративным коммуникациям, инженер-программист, инженер, педагог-психолог, управляющая отелем, практикующий психолог, старший бизнес-аналитик, дизайнер, бизнесмен, HR-партнер, руководитель отдела обучения

персонала, руководитель проекта, репетитор по истории и обществознанию, системный администратор, сотрудник пункта выдачи интернет-магазина, тренер, медицинская сестра. Семеро участников были студентами МГУ (1 человек), МГИМО (1 человек), СПбГУ (3 человека), НИУ ВШЭ (1 человек), РУДН (1 человек).

Молодым людям были заданы вопросы:

1. Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите слово «Омск»?
2. Закончите фразу «Омск – это...»
3. В связи с чем Вы приняли решение уехать из Омска?
4. Какие аргументы у Вас были за то, чтобы уехать? А какие в пользу того, чтобы остаться?
5. При каких условиях Вы приняли бы решение остаться?
6. Планируете ли Вы возвращаться в Омск?

Интервью проводились с использованием гайда, построенного в дедуктивной логике.

Целью второго среза стало получение количественных данных, которыми можно было бы дополнить и конкретизировать результаты первого, качественного этапа. В ходе второго этапа исследования были опрошены 390 студентов вузов Омска (272 девушки (69,7%) и 118 юношей (30,3%), их средний возраст – 19,9 лет. Методический комплекс: Шкала миграционных установок личности С. А. Кузнецовой, И. Ю. Кузнецова, А. В. Фещенко [19]; Метод оценки привязанности к дому С. И. Резниченко, С. К. Нартовой – Бочавер, В. Б. Кузнецовой [20] в модификации А. Ю. Маленовой, Ю. В. Потаповой (Опросник отношения к городу); Методика изучения мотивации профессиональной карьеры («Якоря карьеры») Э. Шейна (в адаптации В. Э. Винокуровой и В. А. Чикер) [21], Опросник идентичности с городом С. А. Литвиной, О. И. Муравьевой [22], авторская анкета (вопросы о социально-демографических характеристиках, миграционных намерениях респондентов).

На обоих этапах использовались первичные описательные статистики (среднее арифметическое, стандартное отклонение), частотный анализ, на втором инструментарий был расширен за счет однофакторного дисперсионного анализа с апостериорным тестом Шеффе. Для того, чтобы оценить уровень развития определенных конструктов, было произведено нормирование полученных данных по шкале Т-баллов.

Представление результатов двух этапов исследований производилось нами параллельно (сначала по первому, качественному этапу, затем по второму – количественному), согласно поставленным задачам:

1. Оценить ассоциации с городом и определить связь миграционных установок с привязанностью к городу и идентификацией с ним;
2. Выявить основные причины миграции из Омска и установить различия в карьерных ориентациях студентов с разным уровнем развития миграционных установок;
3. Определить, какие условия жизни города молодые люди считают необходимыми для того, чтобы кардинально изменить миграционную ситуацию в нем.

Результаты

Ассоциативная оценка города опрошенными в процессе интервью позволяет охарактеризовать их связь с Омском как позитивную (см. табл. 1).

Таблица 1

Ассоциации мигрировавшей молодежи, связанные с Омском

Table 1

Migrated youth's associations with Omsk

Ассоциация	Число респондентов (человек)
Детство	8
Дом	7
Родной город, город, где я вырос	6
Конкретные здания и организации (ул. Ленина, скульптуры Любочка, Степаных, университеты, Нефтяники)	6
Родители	3
Миллионник	3
Студенчество, молодость	3
Воспоминания	3
Малая родина	2
Провинциальный город	2
Грязь, пыль	2
Авангард	2
Маленький город	1
Географические объекты (Иртыш)	1
Промышленность	1
Место, откуда я уехал	1
Родина предков	1
Скука	1

Чаще всего оценки участников исследования касались собственного прошлого, связанного с городом, ностальгическими воспоминаниями о нем, о своей родительской семье. Весьма распространенным был ответ, связанный с указанием конкретных архитектурных ансамблей (чаще всего располагающихся в историческом центре города), скульптур, имеющих символическое значение («Любочка», «Степаных»), районов города, где прошло детство или студенчество (как правило, это городок Нефтяников, где велика концентрация университетов), сами университеты (ОмГУ имени Ф. М. Достоевского). Интересным фактом стало то, что молодые люди, отучившиеся в омских школах и поступившие в университеты иных городов, не назвали школы в качестве значимых объектов, ассоциирующихся с городом, а вот молодежь, отучившаяся в омских вузах, выделила именно их как центральную точку ассоциации. Вероятно, это обусловлено высоким уровнем идентификации молодых людей со своим университетом, так как учебно-профессиональная подготовка сильнее отражает направленность личности, а обучение в школе рассматривается как универсальный этап, слабо связанный с личностным выбором.

Методика «незаконченное предложение» со стимульным материалом «Омск – это...» вызвала более противоречивые оценки отвечавших. Чаще всего Омск соотносился с прошлым респондентов (доминировали конструкты «город детства», «дом», «место, где осталась моя семья»), и в данном случае чувства, которые испытывали по отношению к городу молодые люди – это легкая грусть по ушедшему детству и молодости, ностальгия с приятными воспоминаниями о студенческих годах и их легкости. В то же время помещение Омска на временную шкалу ближе к концепту «прошлое» свидетельствует об уверенности молодежи в том, что они не хотят возвращаться к этой части своей жизни, какой бы светлой она ни была. Пятая часть испытуемых приводила сдержанно-позитивные оценки: завершая предложение, использовала

стереотипное – «третья столица», а также привязку к размеру города (причем в равной степени здесь появлялась оценка как «большой», так и «маленький»). Вероятно, указание на размер города и его тип проявлялось в зависимости от того, куда переезжал респондент. Так, маленьким и компактным, уютным Омск называли молодые люди, переехавшие в Москву и Санкт-Петербург, а большим, миллионником – в другие города (Калининград, Екатеринбург), которые в сравнении с Омском не столь велики как мегаполисы.

Присутствовали и откровенно негативные ассоциации. В основном отрицательная оценка города происходила по причине отсутствия перспектив – «город без будущего» (*репетитор, 22 года*), «место, которое застыло» (*специалист по логистике, 32 года*), экологического состояния города – «грязь», «отвращение» (*сотрудник пункта выдачи интернет-магазина, 34 года*) и личных впечатлений от него – «симуляция реальной жизни» (*студент, 20 лет*). В целом негативные ассоциации дали трое респондентов. И еще двое участников опроса оценили город противоречиво: ассоциируя его с собой – «Омск – это я» (*специалист по логистике, 32 года*), они также признали наличие неоправданных надежд, связанных с городом, и застоя, а когда говорили о его самобытности и неповторимой атмосфере, то в их оценках звучали «нотки грусти». Таким образом, в целом оценивая отношение к Омску, нельзя охарактеризовать его как сугубо положительное или отрицательное. Скорее молодые люди воспринимали город как часть своей личной истории, часть себя и своей жизни, но вместе с тем и как «перевернутую страницу», прошлое, к которому не особенно хотелось бы возвращаться.

Итак, важный конструкт, связанный с решением молодежи о миграции, – это степень идентификации с городом и приверженности ему. Чтобы оценить, как такие феномены связаны с миграционными установками, во второй части исследования мы условно разделили выборку студентов на 3 части: с низким (52 человека, 13,3%), средним (271 человек, 69,5%) и высоким (67 человек, 17,2%) уровнями выраженности миграционных установок. Так как методика не имела определенных норм, разделение происходило на основании нормирования по выборке (сырые значения были приведены к Т – баллам, затем полученные результаты переведены в уровни, средним считался результат $M \pm \sigma$, высокий уровень присваивался при $x > M + \sigma$, низкий уровень $x < M - \sigma$). В группе с низким уровнем выраженности миграционных установок были 73,1% девушек, 26,9% юношей, средний возраст $20,5 \pm 3,5$ лет; группа со средним уровнем выраженности насчитывала 67,2% девушек, 32,8% юношей, средний возраст $19,9 \pm 3,2$ года; группа с высоким уровнем миграционных установок включала 77,6% девушек, 22,4% юношей, средний возраст $19,6 \pm 1,64$ года. Распределение по полу не показало связи с распределением по уровням выраженности миграционных установок; по среднему возрасту отличий также не было обнаружено. Далее производилось сравнение групп по ряду психологических параметров. При этом было выявлено, что привязанность к городу статистически значимо ($F=5,37, p \leq 0,01$) отличается у студентов с низким (ср. балл. 57,7), средним (48,7) и высоким (47,7) уровнями выраженности миграционных установок. Следовательно, молодежь, стремящаяся уехать из Омска, закономерно обладает его менее выраженной позитивной оценкой, более слабой привязанностью. Уровень идентификации с городом по ряду шкал также значимо выше у людей с низкими миграционными установками (см. табл. 2).

Таблица 2

Показатели идентификации с городом омских студентов с разным уровнем развития миграционных установок

Table 2

Indicators of identification with the city of Omsk students with different levels of development of migration attitudes

Шкала идентификации с городом	Уровень выраженности миграционных установок			F	p
	низкий	средний	высокий		
Чувство принадлежности к городу и вера в его возможности	56,10	49,74	42,12	5,97	0,004
Эмоциональная привязанность и чувство близости	53,91	49,13	45,38	2,54	0,084
Оценка города как обладающего уникальностью	52,44	49,56	44,45	1,67	0,194
Личный вклад в жизнь города	53,97	49,03	44,47	3,14	0,048
Планирование будущего, связанного с городом	59,07	48,99	42,81	11,18	0,001

В то же время чувство принадлежности к городу, оценка личного вклада в его жизнь, планирование будущего у студентов с высокими миграционными установками значительно ниже, чем у тех, кто так сильно не стремится мигрировать, а вот по уровню эмоциональной привязанности и оценке уникальности города отличий найдено не было. В целом это согласуется с результатами интервью: человек может любить город, чувствовать, что город занимает в его биографии важную страницу и особое место, но при этом все равно хочет уехать, поскольку считает, что не может своими действиями что-то качественно изменить в лучшую сторону как глобально, в жизни города вообще, так и локально, в собственной личной жизни и карьере.

Причины, по которым осуществлялся переезд, можно разделить на пять групп (см. табл. 3).

Таблица 3

Причины миграции молодежи из Омска

Table 3

Reasons for migration of young people from Omsk

Тип	Число человек
Карьерная (легче развиваться в определенной области, есть перспективы только в другом городе), трудовая (легче найти работу), экономическая	13
Получение образования, в т. ч. последиplomного	11
Инфраструктура города, культура	4
Семейные причины (за мужем/женой)	4
Экологическая	2

Следует отметить, что причины связанные с построением карьеры (их назвали 9 человек), превалируют над чисто экономическими (т. е. уровнем заработной платы) и трудовыми (самим фактом нахождения работы) – о них говорили только 4 человека. Таким образом, налицо ситуация, при которой молодежь оценила выше скорее не сам факт получения высокой заработной платы, а возможность иметь дело, которое их бы удовлетворяло, и развиваться в нем профессионально, получать удовлетворение от работы. Такой подход указывает на достаточную степень амбициозности интервьюируемых, преобладание внутренней мотивации над внешней и спецификой

построения временной перспективы, в которой сиюминутные трудности в настоящем рассматриваются как приемлемая цена за формирование более благоприятного будущего. Эти результаты соотносятся с данными С. А. Кузнецовой, проводившей исследование временной перспективы у молодежи Магадана и обнаружившей высокий уровень развития миграционных установок у молодежи, высоко оценивающей значение будущего в своей жизни и пренебрегающей ради этого гедонистическим настоящим [23].

Изучив различия в карьерных ориентациях омских студентов с разными миграционными установками, мы получили результат, свидетельствующий о значимых отличиях в установках на стабильность места жительства, автономию и служение (см. табл. 4).

Таблица 4

Карьерные ориентации омских студентов с разными миграционными установками

Table 4

Career orientations of Omsk students with different migration attitudes

Карьерные ориентации	Уровень миграционных установок			F	p
	низкий	средний	высокий		
Профессиональная компетентность	51,86	49,56	50,18	1,17	0,31
Менеджмент	48,82	50,10	50,72	0,54	0,58
Автономия	49,52	49,41	52,86	3,33	0,04
Стабильность места работы	50,31	50,18	49,22	0,27	0,77
Стабильность места жительства	52,33	50,46	46,57	5,74	0,00
Служение	52,87	49,26	50,73	3,08	0,05
Вызов	49,23	50,34	49,31	0,47	0,63
Интеграция стилей жизни	51,38	49,32	51,51	1,87	0,16
Предпринимательство	49,68	49,92	50,46	0,10	0,90

Полученные результаты отчасти подтвердили существующие тенденции «территориальной подвижности» молодежи [24]. Кроме того, в ряде исследований студенческой молодежи данные по шкале «стабильность места жительства» заметно уступали другим карьерным ориентациям [25; 26]. Введение в качестве дополнительного критерия уровня миграционных установок показало его роль в формировании различий, дополняя картину тем фактом, что те, кто готов мигрировать и стремится к этому, предполагают, что и в дальнейшем работа не будет связана с нынешним местом жительства. Интересно, что они же ориентированы на высокую автономию. Что, по-видимому, связано с представлением студентов о том, что в Омске сложнее найти работу, где человек мог бы занять субъектную позицию в труде и самостоятельно выстраивать свою деятельность, тогда как в других городах это сделать проще. Карьерная ориентация на служение слабее проявлена у людей со средним уровнем миграционных установок и сильнее – у тех, кто решил остаться в Омске. Апостериорный тест Шеффе показал, что при попарных сравнениях значимы только отличия между группами студентов с низким и средним уровнем ($p \leq 0,05$) миграционных установок. Возможно, что студенты, занимающие полярные позиции по отношению к миграции, лучше определились с тем, какой деятельностью они планируют заниматься, поэтому у них четче очерчены ориентиры на самоотдачу, сформирована более четкая позиция по отношению к объектам своего труда, а будут ли они находиться в родном городе или каком-то ином, уже не имеет столь выраженного значения.

При обсуждении вопроса о том, как принималось решение о переезде в другой город или страну, респонденты зачастую говорили об отсутствии сомнений (53,8%) либо их слабой выраженности (11,5%). Среди аргументов за то, чтобы остаться в Омске, были названы:

- привязанность к семье и беспокойство о том, как родители перенесут отъезд (46%);
- обладание недвижимостью в Омске (15,4%), при этом чаще о данном аспекте говорили молодые мужчины;
- наличие социальных связей, способных помочь в решении бытовых (например, проблем с детьми) или деловых вопросов (19,2%).

Типов аргументации за то, чтобы уехать, было несколько больше:

- возможность развития карьеры (50%);
- качественное образование, в том числе последипломное (42,3%);
- более высокая заработная плата и качество жизни в целом (34,6%);
- культурные факторы, начиная от возможностей проведения досуга и заканчивая более высокой бытовой культурой общения (23,1%);
- экологические факторы (7,7%).

При опросе студентов, обучающихся и пока проживающих в Омске, были выявлены следующие потенциальные мотивы миграции: найти работу с более высокой заработной платой (62,8%), получить возможности карьерного роста, занятия руководящих должностей (51%), иметь больше возможностей для путешествий (52,8%), проживать в городе с инфраструктурой более высокого уровня (50,0%), где больше возможностей для самореализации у будущих детей (40,0%), с более насыщенной культурной жизнью (40,0%), имеющем возможности для открытия собственного бизнеса (32,1%), в более комфортном для организации жизни семьи (31%), с более удобной транспортной системой (22,1%). Также причинами переезда выступали стремление получить образование в вузе в другом городе (14,1%), работать в сфере, которая не развита в Омске, но есть в другом городе (стране) (13,1%). Интересно, что факторы, которые были перечислены уже мигрировавшими молодыми людьми, не всегда совпадали с теми мотивами, которые могут спровоцировать миграцию у студентов, обучающихся в Омске. Так, для студентов важнее был мотив, связанный с зарплатой, а не с возможностью построения уникальной карьерной траектории. Пожалуй, это связано с тем, что обучающиеся еще не до конца понимают, в какой отрасли они могли бы себя реализовать. Кроме того, внешние условия чаще отмечались еще не мигрировавшими молодыми людьми, тогда как совершившие миграцию упоминали о них вскользь, вероятно, уже адаптировавшись к новому месту жительства, и воспринимая внешние условия как нечто само собой разумеющееся, не способное быть основным фактором, из-за которого можно решиться на переезд.

Среди интервьюируемых наличие крайне негативной установки «куда угодно, только бы уехать из Омска» продемонстрировал лишь один из отвечавших. Остальные подчеркивали, что их установка формировалась в основном через рассмотрение позитивных факторов притяжения в других городах («я уезжала не из Омска, а в Екатеринбург» *(специалист по внутрикорпоративным коммуникациям, 32 года)*). Тем самым явная неприязнь к родному городу снималась и происходило рациональное оценивание положительных сторон, которые предлагают иные регионы.

В свою очередь, на вопрос о том, готовы ли Вы вернуться в Омск, только двое респондентов ответили положительно (но при условии перемен, которые произой-

дут в городе) и еще один из студентов, обучающихся в московском вузе, сказал, что готов рассмотреть такую возможность. Категоричное «нет» заявили 57,6% опрошенных, трое обозначили условия, при которых они готовы были бы это сделать (но, как правило, такие условия мыслятся как нереальные: «Если бы в Омске была работа, которая не уступала бы той, на которой я сейчас нахожусь» (*бизнес-аналитик, 31 год*)). Интересным, на наш взгляд, стал еще один ответ на этот вопрос: «Только в безвыходной ситуации» (20%). Итак, в данном случае перечислялись факторы, которые могли бы повлиять на решение, – от необходимости постоянного ухода за родителями до военного положения или существенного снижения уровня доходов («мы с родителями недавно говорили, что если будет совсем тяжело, то приедем в Омск сажать картошку» (*руководитель отдела обучения персонала, 32 года*)), однако это не рассматривается респондентом как вероятный вариант, скорее выглядит как суеверное перечисление возможных факторов, которые могут помешать на жизненном пути. Такой подход позволяет понять, что Омск рассматривается молодежью, которая здесь родилась и выросла, как «запасной вариант», место, где можно спрятаться, укрыться от надвигающейся опасности в родительском доме.

Наконец, на вопрос о том, что должно измениться, чтобы Омск стал более привлекательным для молодежи, следовали ответы, которые в основном были связаны с экономическими изменениями: создание новых рабочих мест с достойной заработной платой («Банальные вещи, чтобы оставались – достойный уровень зарплаты, работа, развивающийся город» (*руководитель отдела обучения персонала, 32 года*)). Частично решение данного вопроса видится во включении в удаленный формат работы организаций, поддержке малого бизнеса, поддержке тенденций глобализации («Удерживать молодежь в Омске поможет поддержка малого бизнеса и работа над инфраструктурой города» (*бизнес-аналитик, 31 год*)). Рефреном звучит слово «перспективы»: пока покинувшие Омск не видят для себя возможных вариантов для развития в городе. Важным для молодежи остается также фактор, связанный не только с заработком, но и с получением удовлетворения от своей работы, оценкой динамики развития города, так как стремление оценивать не только настоящее, но и будущее (и ради него порой выдерживать актуальные трудности) является характерной чертой амбициозной и настроенной на карьерный рост молодежи («Дело, которое давало бы доход и удовлетворение, а также положительная динамика изменения социальной среды в городе» (*специалист по логистике, 32 года*)). Примерно с равной частотой упоминался аспект об организации инфраструктуры города: сюда входят удобство транспортной развязки, качество работы общественного транспорта, наличие мест отдыха и досуга, формирование социальной среды, в которой есть место инновациям, свежим идеям, возможности молодым людям кооперироваться для создания чего-то нового и полноценного общения («...общественная и деловая активность, улучшение общественных пространств», «...дело (работа) появится, когда в городе улучшится социальная среда. Город станет местом притяжения, что приведет к росту доходов населения» (*руководитель проекта, 34 года*)). Чуть реже назывались проблемы экологии. Однако для отвечавших, которые затрагивали данную тему, они были принципиально важными: чистые улицы и воздух, отсутствие вредных выбросов, пыли и грязи – базовое условие сохранения здоровья человека («Хороший общественный транспорт, чтобы в нем можно было дышать! А не задыхаться от выхлопов» (*педагог-психолог, 34 года*)). Это, в свою очередь, подтверждает результаты исследования Г. В. Савенцева и его коллег, относящих Омскую область к «промышленному» региону, в котором

присутствует индустриальная специализация, высокая степень урбанизации, туристическая привлекательность на фоне самых низких по стране экологических показателей [2]. Подытожить основные требования молодежи можно фразой, сказанной одним из отвечавших на вопрос о том, каким должен быть наш город: «Он должен стать комфортным для жизни. Во всех смыслах» (*управляющая отелем, 33 года*).

Выводы

В результате сочетания количественных и качественных методов для изучения факторов и предпосылок миграционного поведения омской молодежи были обнаружены следующие особенности.

Большая часть опрошенных омичей молодого возраста имеет средний уровень сформированности миграционных установок. Среди уже уехавших из Омска молодых людей отрицательная оценка самого города характерна лишь для пятой части респондентов. Зачастую молодежь, как покинувшая Омск, так и оставшаяся в нем, использует позитивную коннотацию, обращаясь к детским воспоминаниям, а также ярким событиям отрочества и юности.

Говоря о причинах миграции, следует отметить, что чаще всего они связаны с неудовлетворенностью карьерными, экономическими, социокультурными условиями, складывающимися в городе. При этом нередко выбор переезда связывается с большей привлекательностью других городов, а не с негативной оценкой своего настоящего места проживания.

«Выталкивающими» факторами для молодежи являются:

- 1) помещение Омска по временной шкале ближе к концепту «прошлое», а не «будущее», отсутствие стремления планировать свое будущее в Омске, смутное видение перспектив самореализации в нем;
- 2) недостаточная привязанность к городу, слабое чувство принадлежности к нему, негативная оценка личного вклада в жизнь города, слабо сформированная городская идентичность;
- 3) стремление к автономии в карьере и низкий уровень выраженности ориентации на стабильность места жительства.

По ответам респондентов можно также сформировать представление о возможных «удерживающих» факторах:

- 1) создание условий для реализации образовательного и профессионального потенциала, построения карьеры, в том числе предпринимательской, при общей трудовой занятости и стабильности;
- 2) в качестве неэкономических факторов, препятствующих переезду молодых людей из региона, следует рассматривать поддержку баланса между их стремлением к автономности и просоциальному поведению в форме служения;
- 3) отдельными группами факторов, требующими контроля в контексте миграционных рисков, выступают культурный, включая организацию досуговой деятельности, инфраструктурный и экологический, тогда как психологическая профилактика миграционных намерений молодежи преимущественно связана с укреплением социальных связей (семейных, родственных, дружеских), его оценкой как места «силы», «защиты» в ситуациях возможного жизненного неблагополучия.

Таким образом, модерирование миграционного поведения возможно только общими усилиями различных служб, которые позволят, с одной стороны, улучшать объективно наблюдаемые параметры (карьерная и экономическая привлекатель-

ность города, инфраструктура, транспортная система), с другой – повлиять на мнение о городе, сделав его облик более привлекательным, акцентировав внимание на позитивной динамике развития и возможностях самореализации. Перспективами работы станут расширение выборки и включение в нее взрослых респондентов, создание комплексной модели миграционного поведения омичей.

Список литературы

1. Половинко, В. С. Миграционные установки населения в контексте регионального рынка труда / В. С. Половинко, А. В. Арбуз // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19, № 1. С. 38–50. DOI [10.29141/2073-1019-2018-19-1-4](https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-1-4). EDN [YQUBXE](https://elibrary.ru/yqubxe).
2. Савенцев, Г. В. Факторы миграционного прироста в регионах России на современном этапе / Г. В. Савенцев, Н. С. Флаот, Д. В. Егоров, Д. А. Казанцев // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 2(30). С. 162–177. DOI [10.18255/2412-6519-2022-2-162-177](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-162-177). EDN [LKQGWV](https://elibrary.ru/lkqgww).
3. Harris, J. R. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis / J. R. Harris, M. P. Todaro // American Economic Review. 1970. Vol. 60, № 1. Pp. 126–142.
4. Borjas, G. J. Assimilation, Changes in Cohort Quality, and the Earnings of Immigrants // Journal of Labor Economics. 1985. Vol. 3, № 4. Pp. 463–489. DOI [10.1086/298065](https://doi.org/10.1086/298065).
5. Заславская, Т. И. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе / Т. И. Заславская, Л. Л. Рыбаковский // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 56–65. EDN [VYRWBH](https://elibrary.ru/vyrwbh).
6. Borjas, G. J. Self-Selection and the Earnings of Immigrants // American Economic Review. 1987. Vol. 77, № 4. Pp. 531–553.
7. Stark, O. On Migration and Risk in LDCs / O. Stark, D. Levhari // Economic Development and Cultural Change. 1982. Vol. 31, № 1. Pp. 191–196.
8. Lee, E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, № 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](https://doi.org/10.2307/2060063).
9. Лычко, С. К. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов / С. К. Лычко, Н. Л. Мосиенко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, № 1. С. 160–169. EDN [RXSAVP](https://elibrary.ru/rxsavp).
10. Зайков, К. С. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности / К. С. Зайков, И. В. Каторин, А. М. Тамицкий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 3. С. 230–247. DOI [10.15838/esc.2018.3.57.15](https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15). EDN [XTJZTV](https://elibrary.ru/xtjztv).
11. Манцеров, О. В. О роли фронта в социальной мобильности российской молодежи (на примере астраханской области) // Гуманитарные исследования. 2012. № 4 (44). С. 270–274. EDN [PUIXAX](https://elibrary.ru/puixax).
12. Tjaden, J. Linking Migration Intentions with Flows: Evidence and Potential Use / J. Tjaden, D. Auer, F. Laczko // International Migration. 2019. Vol. 57, № 1. Pp. 36–57. DOI [10.1111/imig.12502](https://doi.org/10.1111/imig.12502).
13. van Dalen, H. P. Emigration Intentions: Mere Words or True Plans? Explaining International Migration Intentions and Behavior / H. P. van Dalen, K. Henkens. CentER Discussion Paper № 2008-60. Tilburg: Tilburg University, 2008. DOI [10.2139/ssrn.1153985](https://doi.org/10.2139/ssrn.1153985).
14. Грунт, Е. В. Выявление миграционных установок провинциальной молодежи: на примере учащихся российских и белорусских образовательных учреждений / Е. В. Грунт, Л. Г. Титаренко, Е. А. Беляева // Социология. 2023. № 1. С. 218–226. EDN [IHJLWW](https://elibrary.ru/ihjlww).
15. Ермакова, С. Н. Миграционные установки студенческой молодежи (на примере города Белгород) // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 6 (58). С. 168–173. EDN [HMUNPS](https://elibrary.ru/hmunps).
16. Муращенкова, Н. В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 1. С. 77–93. DOI [10.17759/sps.2021120106](https://doi.org/10.17759/sps.2021120106).
17. Казанцев, Д. А. Региональная идентичность в сознании молодежи Сибири и Дальнего Востока / Д. А. Казанцев, Д. А. Качусов // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7, № 2. С. 134–145. DOI [10.18255/2412-6519-2021-2-134-145](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2021-2-134-145). EDN [IRYDME](https://elibrary.ru/irydme).

18. *Габдрахманов, Н. К.* «От волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России / Н. К. Габдрахманов, Н. Ю. Никифорова, О. В. Лешуков // Современная аналитика образования. 2019. № 5 (26). С. 4–42. EDN [DKZGMI](#).

19. *Кузнецова, С. А.* Разработка шкалы миграционных установок личности / С. А. Кузнецова, И. Ю. Кузнецов, А. В. Фещенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 1. С. 83–90. EDN [RXWGRT](#).

20. *Резниченко, С. И.* Метод оценки привязанности к дому / С. И. Резниченко, С. К. Нартова-Бочавер, В. Б. Кузнецова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 3. С. 498–518. DOI [10.17323/1813-8918-2016-3-498-518](#). EDN [XWOPIN](#).

21. *Чикер, В. А.* Психологическая диагностика организации и персонала. СПб. : Речь, 2004. 172 с. ISBN 5-9268-0187-7. EDN [QXKELP](#).

22. *Литвина, С. А.* Опросник идентичности с городом: разработка, валидизация, проверка надежности / С. А. Литвина, О. И. Муравьева // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8, № 1. С. 73–91. DOI [10.15293/2226-3365.1801.05](#). EDN [YRNSAK](#).

23. *Кузнецова, С. А.* Временные перспективы и миграционные установки магаданских студентов на разных этапах обучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 1. С. 67–78. DOI [10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78](#). EDN [YTYALD](#).

24. *Рыбаковский, О. Л.* Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет. Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. 471 с. ISBN 978-5-89697-383-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021](#). EDN [CCHKVJ](#).

25. *Ефремкина, И. Н.* Исследование динамики карьерных ориентаций, учебной мотивации, их взаимосвязи у студентов-бакалавров как условия формирования готовности к профессиональной мобильности // Перспективы науки и образования. 2018. № 2(32). С. 175–180. EDN [YXOCIC](#).

26. *Ковалевич, М. С.* Карьерные ориентации студентов – вектор профессионального саморазвития // Народная асвета. 2018. № 1. С. 10–13.

Сведения об авторах:

Потапова Юлия Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Факультет экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.

Контактная информация: e-mail: kardova.jv@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-1226-8982](#); РИНЦ Author ID: [675403](#); Web of Science Researcher ID: [AAB-6832-2022](#); Scopus Author ID: [58114942500](#).

Маленова Арина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Факультет экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.

Контактная информация: e-mail: malyonova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5778-0739](#); РИНЦ Author ID: [678318](#); Web of Science Researcher ID: [AAN-7974-2021](#); Scopus Author ID: [57224741278](#).

Маленов Александр Александрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Факультет экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.

Контактная информация: e-mail: malyonov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3654-956X](#); РИНЦ Author ID: [678262](#); Web of Science Researcher ID: [AEL-8395-2022](#); Scopus Author ID: [57224725844](#).

Потапов Александр Константинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, социологии и политологии, Факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.

Контактная информация: e-mail: poalexk2187@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-5890-9987](#); RSCI Author ID: [734548](#); Web of Science Researcher ID: [GLR-3420-2022](#); Scopus Author ID: [58513416200](#).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № [22-28-20375](#) «Субъективная картина благополучия как предиктор миграционных установок одаренной молодежи Сибирского региона».

Статья поступила в редакцию 20.12.2023; принята в печать 21.02.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REASONS AND FACTORS OF MIGRATION BEHAVIOR OF YOUTH OF THE OMSK REGION

Yuliya V. Potapova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

E-mail: kardova.jv@gmail.com

Arina Yu. Malenova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

E-mail: malyonova@mail.ru

Alexander A. Malenov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

E-mail: malyonov@mail.ru

Alexander K. Potapov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

E-mail: poalexk2187@yandex.ru

For citation: Potapova, Yuliya V. Migration Behavior of Youth in the Omsk Region: Reasons, Factors, Prospects / Yu. V. Potapova, A. Yu. Malenova, A. A. Malenov, A. K. Potapov. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 1. Pp. 116–131. DOI [10.19181/demis.2024.4.1.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.1.8).

Abstract. *The problem of the preconditions for the migration activity of Omsk youth is posed. Possible causes of migration risks and factors determining them are discussed. Attention is paid to external, economic, and internal, psychological factors in order to determine possible ways to manage migration risks. Objectives of the study: to determine the emotional assessment of the city and the connection between migration attitudes of young people and attachment and identification with it; identify the main reasons for migration from Omsk, establish differences in the career orientations of students with different levels of migration attitudes; determine the necessary living conditions of the city to radically change the migration situation in it. Thanks to qualitative (interviews) and quantitative (testing and questionnaires) methods on a sample of 416 people with different socio-demographic characteristics, the reasons for migration behavior were analyzed and an analysis of “push” and “retaining” factors was carried out. It has been established that when young people emotionally assess the city, positive connotations dominate, but young people more often place Omsk on the time scale closer to the concept of “past” rather than “future.” Thus, the reasons for real migration behavior are the perception of the lack of prospects associated with development in the city, and the accompanying dissatisfaction with the economic, educational and career conditions that exist in it. Factors that reduce the level of expression of migration attitudes are high identification with the city, a sense of belonging to it, planning for a future associated with the city, and career orientation towards stability of place of residence. Factors that increase the desire to migrate are a career orientation toward autonomy at work and a poorly developed urban identity.*

Keywords: *migration, migration attitudes, holding and pushing factors, urban identity, youth, Omsk region*

References

1. Polovinko, V. S. Migration Intentions of Population in the Context of Regional Labour Market / V. S. Polovinko, A. V. Arbuz. *Journal of New Economy*. 2018. Vol. 19, No. 1. Pp. 38–50. DOI [10.29141/2073-1019-2018-19-1-4](https://doi.org/10.29141/2073-1019-2018-19-1-4). (In Russ.).
2. Saventsev, G. V. Factors of Migration Growth in Modern Russia's Regions / G. V. Saventsev, N. S. Flaot, D. V. Egorov, D. A. Kazantsev. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2022. Vol. 8, No. 2(30). Pp. 162–177. DOI [10.18255/2412-6519-2022-2-162-177](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-162-177). (In Russ.).
3. Harris, J. R. Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis / J. R. Harris, M. P. Todaro. *American Economic Review*. 1970. Vol. 60, No. 1. Pp. 126–142.

4. Borjas, G. J. Assimilation, Changes in Cohort Quality, and the Earnings of Immigrants. *Journal of Labor Economics*. 1985. Vol. 3, No. 4. Pp. 463–489. DOI [10.1086/298065](https://doi.org/10.1086/298065).
5. Zaslavskaya, T. I. Migration Processes and Their Regulation in Socialist Society / T. I. Zaslavskaya, L. L. Rybakovsky. *Sociological Studies*. 1978. No. 1. Pp. 56–65. (In Russ.).
6. Borjas, G. J. Self-Selection and the Earnings of Immigrants. *American Economic Review*. 1987. Vol. 77, No. 4. Pp. 531–553.
7. Stark, O. On Migration and Risk in LDCs / O. Stark, D. Levhari. *Economic Development and Cultural Change*. 1982. Vol. 31, No. 1. Pp. 191–196.
8. Lee, E. S. A Theory of Migration. *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](https://doi.org/10.2307/2060063).
9. Lychko, S. K. City Attractiveness as a Factor of Formation of Students' Attitudes to Migration / S. K. Lychko, N. L. Mosienko. *Vestnik NSU. Series: Social and Economics Sciences*. 2014. Vol. 14, No. 1. Pp. 160–169. (In Russ.).
10. Zaikov, K. S. Migration Attitudes of the Students Enrolled in Arctic-Focused Higher Education Programs / K. S. Zaikov, I. V. Katorin, A. M. Tamitskii. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018. Vol. 11, No. 3. Pp. 230–247. DOI [10.15838/esc.2018.3.57.15](https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15). (In Russ.).
11. Mantserova, O. V. The Role of the Frontier in the Social Mobility of Russian Youth (Based on the Example of the Astrakhan Region). *Humanitarian Researches*. 2012. No. 4 (44). Pp. 270–274. (In Russ.).
12. Tjaden, J. Linking Migration Intentions with Flows: Evidence and Potential Use / J. Tjaden, D. Auer, F. Laczko. *International Migration*. 2019. Vol. 57, No. 1. Pp. 36–57. DOI [10.1111/imig.12502](https://doi.org/10.1111/imig.12502).
13. van Dalen, H. P. *Emigration Intentions: Mere Words or True Plans? Explaining International Migration Intentions and Behavior* / H. P. van Dalen, K. Henkens. Center Discussion Paper № 2008-60. Tilburg : Tilburg University, 2008. DOI [10.2139/ssrn.1153985](https://doi.org/10.2139/ssrn.1153985).
14. Grunt, E. V. Identification of Migration Attitudes of Provincial Youth: On the Example of Students of Russian and Belarusian Educational Institutions / E. V. Grunt, L. G. Titarenko, E. A. Belyaeva. *Sociology*. 2023. No. 1. Pp. 218–226. (In Russ.).
15. Ermakova, S. N. Migration Attitudes of Student Youth (The Example of Belgorod). *Skif. Voprosy studencheskoj nauki*. 2021. No. 6 (58). Pp. 168–173. (In Russ.).
16. Murashchenkova, N. V. Interrelation of Values and Emigration Intentions of Student's Youth of Smolensk. *Social Psychology and Society*. 2021. Vol. 12, No. 1. Pp. 77–93. DOI [10.17759/sps.2021120106](https://doi.org/10.17759/sps.2021120106). (In Russ.).
17. Kazantsev, D. A. Regional Identity in the Minds of Young People in Siberia and the Far East / D. A. Kazantsev, D. A. Kachusov. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2021. Vol. 7, No. 2. Pp. 134–145. DOI [10.18255/2412-6519-2021-2-134-145](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2021-2-134-145). (In Russ.).
18. Gabdrakhmanov, N. K. “From Volga to Yenisei...”: Educational Migration of Youth in Russia / N. K. Gabdrakhmanov, N. Yu. Nikiforova, O. V. Leshukov. *Modern Education Analytics*. 2019. No. 5 (26). Pp. 4–42. (In Russ.).
19. Kuznetsova, S. A. Working out Migratory Attitudes Scale of Personality / S. A. Kuznetsova, I. U. Kuznetsov, A. V. Feschenko. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2014. No. 1. Pp. 83–90. (In Russ.).
20. Reznichenko, S. I. The Instrument for Assessment of Home Attachment / S. I. Reznichenko, S. K. Nartova-Bochaver, V. B. Kuznetsova. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. Vol. 13, No. 3. Pp. 498–518. DOI [10.17323/1813-8918-2016-3-498-518](https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-3-498-518). (In Russ.).
21. Chiker, V. A. *Psikhologicheskaya diagnostika organizatsii i personala [Psychological diagnostics of organizations and personnel]*. St. Petersburg : Rech, 2004. 172 p. ISBN 5-9268-0187-7. (In Russ.).
22. Litvina, S. A. City Identity Questionnaire: Designing, Validating and Reliability Testing / S. A. Litvina, O. I. Muraveva. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2018. Vol. 8, No. 1. Pp. 73–91. DOI [10.15293/2226-3365.1801.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1801.05). (In Russ.).
23. Kuznetsova, S. A. Time Prospects and Migratory Attitudes of Magadan Students at Different Stages of Education. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2018. Vol. 15, No. 1. Pp. 67–78. DOI [10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2018-15-1-67-78). (In Russ.).
24. Rybakovsky, O. L. *Zakonovernosti i osobennosti mezhregional'nykh migratsionnykh svyazey nasele-niya Rossii za 50 let [Patterns and features of interregional migration ties of the Russian population over 50 years]*. Moscow : Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2022. 471 p. ISBN 978-5-89697-383-6. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021). (In Russ.).

25. Efremkina, I. N. The Study of the Dynamics of Career Orientations, Educational Motivation, Their Interrelations Among Bachelor Students as the Conditions for Forming Readiness for Professional Mobility. *Perspectives of Science and Education*. 2018. No. 2(32). Pp. 175–180. (In Russ.).

26. Kovalevich, M. S. Kar'yernyye oriyentatsii studentov – vektor professional'nogo samorazvitiya [Career orientations of students as a vector of professional self-development]. *Narodnaya Asveta*. 2018. No. 1. Pp. 10–13. (In Russ.).

Bio notes:

Yuliya V. Potapova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Faculty of Economics, Psychology, Management, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Contact information: e-mail: kardova.jv@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-1226-8982](https://orcid.org/0000-0002-1226-8982); RSCI Author ID: [675403](https://www.rsci.info/author/675403); Web of Science Researcher ID: [AAB-6832-2022](https://orcid.org/AAB-6832-2022); Scopus Author ID: [58114942500](https://orcid.org/58114942500).

Arina Yu. Malenova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Faculty of Economics, Psychology, Management, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Contact information: e-mail: malyonova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5778-0739](https://orcid.org/0000-0001-5778-0739); RSCI Author ID: [678318](https://www.rsci.info/author/678318); Web of Science Researcher ID: [AAH-7974-2021](https://orcid.org/AAH-7974-2021); Scopus Author ID: [57224741278](https://orcid.org/57224741278).

Aleksandr A. Malenov, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of General and Social Psychology, Faculty of Economics, Psychology, Management, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Contact information: e-mail: malyonov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3654-956X](https://orcid.org/0000-0002-3654-956X); RSCI Author ID: [678262](https://www.rsci.info/author/678262); Web of Science Researcher ID: [AEL-8395-2022](https://orcid.org/AEL-8395-2022); Scopus Author ID: [57224725844](https://orcid.org/57224725844).

Alexander K. Potapov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Sociology and Political Science, Faculty of History, Theology and International Relations, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Contact information: e-mail: poalexk2187@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-5890-9987](https://orcid.org/0000-0001-5890-9987); РИНЦ Author ID: [734548](https://www.rscf.ru/author/734548); Web of Science Researcher ID: [GLR-3420-2022](https://orcid.org/GLR-3420-2022); Scopus Author ID: [58513416200](https://orcid.org/58513416200).

Acknowledgments and financing:

The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), research project No. [22-28-20375](https://www.rscf.ru/project/22-28-20375) “Subjective picture of well-being as a predictor of migration attitudes of gifted youth in the Siberian region.”

Received on 20.12.2023; accepted for publication on 21.02.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.